

ведущим слуховой зрительный, тактильно-двигательный
информационно-мыслительный

5. В зависимости от типа познавательной деятельности
- 1) экстравертный мыслительный,
  - 2) экстравертный чувствующий
  - 3) экстравертный интуитивный,
  - 4) экстравертный интуитивный
  - 5) интровертный мыслительный,
  - 6) интровертный чувствующий
  - 7) интровертный ощущающий,
  - 8) интровертный интуитивный

К выбору точки отсчета, т. е. классификационной модели психологии, необходимо подходить внимательно и ответственно. В классификации основанной на клинических нежелательных ассоциациях используются термины «эпилептоид», «истероид», «параноидальная личность», «шизоид», «демонстративный», «устремленный», «параноидальная личность». Нам представляется более уместным употребление слов, характеризующих какую-то отличительную черту личности. Вместо «параноидальной личности» вместо «эпилептоид» – «правильный», вместо «истероид» – «демонстративный», вместо «шизоид» – «сверхоустремленный», вместо «эпилептоид» – «правильный», вместо «параноидальной личности» – «мыслительный» и т. д. Возразить можно по поводу оценок, даваемых авторами определенным типам. Заметим лишь, что в жизни мало людей, полностью отвечающих признакам одной типологии. Значительно чаще люди соединяют в себе признаки указанных групп, однако в определенной сфере, например в педагогике будет преобладать только один тип и задача классификации определить. В целом можно сказать, что различные классификационные модели представляют собой авторизованные картины различных исследователей.

Характерология, понимаемая как личностное творчество, предполагает не схематизацию своей или чужой личности, но предположение открытого восприятия людей и такого их понимания, которое сочетает интуитивный и прагматический подходы.

Т. М. Логвин (М)

Мудрость народного слова (по книге В. Белова «Лад»)

Для очерков о народной эстетике В. Белова характерен социологическо-исторический аспект, подчеркивающий ключевую роль кола лад в русском национальном сознании. «Книга не случайно называется «Лад» и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни – говорит автор – Она была задумана как сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике» [1, с.6].

Слово-образ лад – очень значимый национально-культурный феномен, который у славян издревле связан с позитивным миро-

нием. В словаре Ожегова *лад* толкуется с двух позиций как согласие *миропорядок* и как образец, способ [2, с 403]. Это знаковое концептуальное слово нашедшее всестороннее отражение в книге В. Белова воплощает идею гармонии, слияния, единения, высокой романтики и приземленной реальности, мира человеческого и природного, начала физического и духовного.

Композиционное построение книги продиктовано стремлением писателя представить народную жизнь в ее идеальном, всеобъемлющем смысле. «Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, — все это отсеивалось временем. А то, чего не доставало в этом всегда стремившемся к совершенству укладе, частью поступенно рождалось в глубинах народной жизни, частью заимствовалось у других народов и довольно быстро утверждалось по всему государству [1, с 5].

В жизненном укладе крестьянина важную роль играли времена года («Круглый год»), бытовая упорядоченность («Длиною в жизнь», «Будни и праздники», «Спутник женской судьбы»), общий уклад жизни («Миряне», «Жизненный круг», «Родное гнездо»), цепная связь всех явлений труда и быта («Застольщина», «Одежда», «Древотесное-камнетесное»), стремление к воплощению идеала («Начало всех начал», «Не словом единым», «Рожденный неповторимым»).

По наблюдениям писателя, независимо от того, есть талант или нет, все люди стремились постичь мастерство. И постигали, каждый по мере своих способностей («Подмастерья и мастера», «Рукодельницы», «Остановленные мгновения»).

Жизнь северных русских крестьян в основе своей и в частности была подчинена ритму и цикличности, которые и порождали упорядоченность и устойчивость: «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу — от красоты. Мастер назывался художником, художник — мастером» [1, с 6]. Правомерность подобных суждений подтверждается мудростью пословиц, аккумулирующих опыт не одного поколения. Заветы дедов и прадедов даются опытом целой жизни, жизни в самой гуще народной.

Народ смеялся над теми мужчинами, не умевшими плотничать («Не клин бы да не мог — и плотник бы сдох» [1, с 372]), так же как над

женщинами которые плохо пряли, не умели ни ткать, ни вышивать плести кружева («Пряла наша Дуня не тоньше полена» [1, с. 170]).
особенностью северного крестьянского трудового кодекса было все провозгласили делать все а среди этих многих и подлинных мастеров потому что искусство может жить в любви к самым различным образным предметам крестьянского быта и клады» [1, с. 236]. «Лучше семь топоров, чем семь копылов» [1, с. 170].

По глубокому убеждению автора, знание того, что было до только желательным, но и необходимо для воспитания в себе нравственных начал. Отсюда такое пристальное внимание к во многом исчезнувшему укладу народной жизни («Один сын – два сына – полсына, три сына – сын» [1, с. 140], «Батюшка Покров корми скотинку здоровьем», «Батюшка Покров, покрой избу хозяина добром, землю снежком, хозяйку пирожком, женишом и т.д.» [1, с. 218]).

Культура и народный быт обладают глубокой преемственностью. Например, многое можно сказать, расшифровывая пословицы не по молодости, смерть не по старости» [1, с. 171], «Без сына умрешь» [1, с. 176], «Смерть по грехам страшна» [1, с. 332]. наследники должны не только хранить наследство, но и решать новые проблемы в соответствии с идеалами и потребностями времени («Ешь пироги, хлеб береги» [1, с. 221], «Придет осень спросит» [1, с. 25], «Убыток уму прибыток» [1, с. 333]).

Когда многое предстоит сделать, всегда находится утешающая, ободряющая пословица («Глаза страшатся, а руки делают», «дороже дела», «Было бы начало, а конец будет» [1, с. 112]). Эти пословицы верны не только в смысле объема, количества работы, но и в смысле качества ее, то есть относительно умения, мастерства. В этом сказывается материальная сила слова.

В Белов уверен, что по художественной и смысловой стороне пословицы не однозначны. Каждая становится живой и полной лишь в стихии «непословичного» языка, в бытовой обстановке. Накопленная в течение многих веков смысловая энергия пословиц не исчезает, сохраняя готовность в любой момент проявить свою образно-эмоциональную силу.

Литература

1. Белов В. И. Пад. Очерки о народной эстетике. – 2-е изд. – М., 1989.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Ок. 53000 слов / С. И. Ожегов, Под ред. Л. И. Скворцова – 24-е изд., испр. – М., 2004.